

ничтожные), составляют меньшинство в сравнении со сделками, имеющими частный интерес (т. е. оспоримыми).

В связи с этим представляется целесообразным установление определенно выраженных условий признания ничтожности сделки как на уровне ГК (например, закрепление презумпции ничтожности сделок, посягающих на публичные интересы), так и в рамках специального законодательства, регулирующего отдельные сферы общественных отношений. При этом точность и конкретность обозначения недействительных сделок, влекущих ничтожность, позволят исключить оценочный критерий при осуществлении квалификации.

В силу п. 2 ст. 167 ГК суд вправе установить факт ничтожности сделки по собственной инициативе, что является отступлением от процессуального принципа диспозитивности. Согласно ч. 2 ст. 298 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь суд может в зависимости от выяснившихся обстоятельств дела выйти за пределы размера заявленных требований, если это необходимо для правильного разрешения спора.

На наш взгляд, предоставление суду права установления факта ничтожности сделки по собственной инициативе является избыточным. Задача суда заключается в восстановлении нарушенного публичного интереса и защите заинтересованных лиц, чьи права и законные интересы действительно нуждаются в такой защите (малолетних, к примеру). Не все сделки, не соответствующие требованиям законодательства, подпадают под данную категорию.

Исходя из вышеизложенных доводов и опыта правоприменения иных государств, признающих презумпцию оспоримости сделок, полагаем целесообразным для законодателя повторно оценить обоснованность отнесения большинства сделок, не соответствующих требованиям законодательства, к ничтожным, а впоследствии закрепить презумпцию оспоримости таких сделок.

Осмоловский С. В.

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛОК: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

*Осмоловский Станислав Викторович, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
stanislav.osmolovsky@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Совершение сделок посредством электронных средств является ключевым элементом электронной коммерции. Электронная форма сделки способствует простому и быстрому получению товаров и услуг, сокращая многочисленные издержки.

Согласно Модельному закону СНГ «Об электронной торговле» электронной сделкой признается любая сделка, совершенная сторонами сделки посредством проведения электронных операций по сделке.

На данный момент в белорусском законодательстве отсутствует легальное определение электронной сделки, поскольку законодатель в п. 1 ст. 161 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) рассматривает электронную форму в качестве разновидности письменной формы сделки. Статья 404 ГК конкретизирует письменную форму договора путем составления одного документа, путем обмена документами, путем совершения конклюдентных действий. Подпись сторон (собственноручно или с использованием средств связи и иных технических средств) является обязательным реквизитом письменной формы сделки.

Электронная форма сделок в белорусском законодательстве строго формализована под традиционную простую сделку. Наличие подписи выражает волю лица на заключение договора в письменной форме. Тем самым строгое наличие подписи под документом создает существенную преграду для развития электронной коммерции в целом.

Вполне можно представить договор, имеющий все условия, но отсутствуют подписи. Примером такого договора является click-wrap соглашение. Под click-wrap-соглашением понимается договор, заключаемый в электронном виде посредством щелчка мышью одной из сторон по клавише «я согласен», сопровождающей текст такого договора. Стороны исполняют договор, а в случае разногласий разрешают споры ссылкой на вышеуказанный документ. На наш взгляд, признать такой договор «ничтожным» по причине несоблюдения письменной формы сделки из-за отсутствия подписей является нецелесообразным при рассмотрении простого договора.

Для решения о наличии или отсутствии волеизъявления конкретного лица следует использовать гибкую систему. Данная система будет направлена на установление качества волеизъявления лица в конкретном случае.

Отметим, что в литературе наблюдается несколько подходов относительно электронной формы сделок. Одна группа авторов придерживается мнения, что электронная форма сделки является одним из подвидов простой письменной сделки и не существует необходимости для выделения данной формы как отдельного вида.

Так, И. С. Евдокимова считает, что сделки, заключаемые в сети Интернет, имеют одни и те же признаки, что и традиционные сделки. Е. О. Гладкова уточняет, что сеть Интернет выступает как средство для заключения обычной гражданско-правовой сделки.

Другая группа авторов указывает, что электронная сделка – это абсолютно новый способ волеизъявления. Л. Г. Ефимова выделила совокупность особенностей, присущих электронной форме сделки: выражение воли посредством электронных либо иных технических средств; в форме электронного документа (файла или компьютерной программы); существующие реквизиты сделок и условия зафиксированы с помощью цифрового кода; имеется способ достоверного определения лиц, выразивших волю на заключение сделки и т. д. По мнению автора, электронные документы не являются простой имитацией бумажных документов.

Как считает Н. В. Крысанова, закон устанавливает требования к традиционной форме сделки, однако свойства электронной формы заключенного договора могут оказаться настолько различны, что возникает обоснованное сомнение, электронная и письменная форма сделки являются одним и тем же.

На наш взгляд, электронная форма сделки является отдельным способом заключения сделок, поскольку электронная форма по своей природе не эквивалентна бумажной ввиду особенностей, присущих только данной форме.

Правовое регулирование электронной формы сделок должно иметь более гибкий подход, поскольку строгая формализация удерживает дальнейшее развитие данной формы и усложняет ее использование в гражданско-правовой среде.

Стоит учесть международный опыт в области регулирования электронных сделок. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной коммерции содержит нормы, закрепляющие гибкий стандарт использования документа в электронной форме: «...требование законодательства предоставить информацию в письменной форме считается выполненным путем предоставления сообщения данных, если содержащаяся в нем информация доступна для последующего использования» (ст. 6).

Панасюк Д. А.

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ КРИПТОВАЛЮТЫ

*Панасюк Дмитрий Андреевич, студент 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
dmitriy.panasjuk@icloud.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

В мире сложилось несколько подходов к правовому регулированию криптовалют. С учетом того, что Республика Беларусь относится к числу стран с континентальной системой права, рассмотрим подходы к регулированию криптовалют в Европейском союзе, а также Российской Федерации с целью определения наиболее рационального и соответствующего современным реалиям правового регулирования криптовалют на территории Республики Беларусь.

В ст. 3 Регламента Европейского союза Markets in Crypto-Assets от 16.05.2023 г. (далее – MiCA) дано определение термину «крипто-актив», под которым понимается цифровое представление ценности или права, которое может передаваться или храниться в электронной форме с использованием технологии распределенных реестров или аналогичных технологий.

При этом определением крипто-активов европейский законодатель не ограничился и выделил 3 вида регулируемых токенов в составе крипто-активов, а именно: (1) e-money tokens (например, USDT, USDC), (2) asset-referenced tokens (например, DAI), (3) иные токены (например, BTC, ETH).